

клинический случай представляет интерес для врачей-дерматовенерологов, ревматологов, хирургов по причине редкой встречаемости заболевания и постепенного формирования клинической картины у пациентов с ЛДС, что позволит диагностировать данное заболевание на более ранних стадиях и рекомендовать адекватную терапию.

Конфликт интересов не заявляется.

References (Список источников)

1. Egorova ON, Belov BS, Gluhova SI, et al. Lipodermatosclerosis as a type of lobular panniculitis: clinical features. *Clinician*. 2015; 9 (4): 28–34. (In Russ.) Егорова О.Н., Белов Б.С., Глухова С.И. и др. Липодерматосклероз как разновидность лобулярного панникулита: клинические особенности. *Клиницист*. 2015; 9 (4): 28–34. DOI: 10.17650/1818-8338-2015-9-4-28-34.
2. Savushkina NM, Egorova ON, Gluhova SI, et al. Lipodermatosclerosis as a variant of lobular panniculitis: course and outcomes. *Modern Rheumatology*. 2016; 10 (4): 41–6. (In Russ.) Савушкина Н.М., Егорова О.Н., Глухова С.И. и др. Липодерматосклероз как вариант лобулярного панникулита: течение и исходы. *Современная ревматология*. 2016; 10 (4): 41–6. DOI: 10.14412/1996-7012-2016-4.
3. Eklöf B, Rutherford RB, Bergan JJ, et al. Revision of the CEAP classification for chronic venous disorders: consensus

statement. *J Vasc Surg*. 2004; 40 (6): 1248–52. DOI: 10.1016/j.jvs.2004.09.027.

4. Bruce AJ, Bennett DD, Lohse CM, et al. Lipodermatosclerosis: review of cases evaluated at Mayo Clinic. *J Am Acad Dermatol*. 2002; 46 (2): 187–92. DOI: 10.1067/mjd.2002.119101.

5. Requena C, Sanmartin O, Requena L. Sclerosing panniculitis. *Dermatol Clin*. 2008; 26 (4): 501–4. DOI: 10.1016/j.det.2008.06.001.

6. Savushkina NM, Egorova ON, Gluhova SI, et al. Panniculitis in rheumatology: features of the course and outcomes. *Therapeutic Archive*. 2018; 90 (5): 55–60. (In Russ.) Савушкина Н.М., Егорова О.Н., Глухова С.И. и др. Панникулиты в ревматологии: особенности течения и исходов. *Терапевтический архив*. 2018; 90 (5): 55–60.

7. Kirsner RS, Pardes JB, Eaglstein WH, Falanga V. The clinical spectrum of lipodermatosclerosis. *J Am Acad Dermatol*. 1993; 28 (4): 623–7. DOI: 10.1016/0190-9622(93)70085-8.

8. Miteva M, Romanelli P, Kirsner RS. Lipodermatosclerosis. *Dermatologic Therapy*. 2010; 23 (4): 375–88. DOI: 10.1111/j.1529-8019.2010.01338.x.

9. Walsh SN, Santa Cruz DJ. Lipodermatosclerosis: a clinicopathological study of 25 cases. *J Am Acad Dermatol*. 2010; 62 (6): 1005–12. DOI: 10.1016/j.jaad.2009.08.006.

10. Bergan JJ, Schmid-Schönbein GW, Smith PD, et al. Chronic venous disease. *N Engl J Med*. 2006; (355): 488–98. DOI: 10.1056/NEJMra055289.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 18.11.2022. The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 18.11.2022.

Информация об авторе:

Светлана Николаевна Щава — заведующая кафедрой дерматовенерологии, доцент, кандидат медицинских наук.

Information about the author:

Svetlana N. Shchava — Head of the Department of Dermatovenereology, Associate Professor, PhD.

УДК 616.5–022
EDN RWYFQG

Клинический случай

МНОГОФОРМНАЯ ЭКССУДАТИВНАЯ ЭРИТЕМА, ДИАГНОСТИРОВАННАЯ КАК СИНДРОМ СТИВЕНСА – ДЖОНСОНА (КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ)

С. Н. Щава, Е. А. Сердюкова, И. Н. Иванова

ФГБОУ ВО «Волгоградский ГМУ» Минздрава России, Волгоград, Россия

MULTIFORM EXUDATIVE ERYTHEMA DIAGNOSED AS STEVENS – JOHNSON SYNDROME (CLINICAL CASE)

S. N. Shchava, E. A. Serdyukova, I. N. Ivanova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Для цитирования: Щава С.Н., Сердюкова Е.А., Иванова И.Н. Многоформная экссудативная эритема, диагностированная как синдром Стивенса — Джонсона. *Саратовский научно-медицинский журнал. Приложение: Дерматовенерология*. 2022; 18 (4): 742–744. EDN: RWYFQG.

Аннотация. В статье представлен клинический случай буллезной формы многоформной экссудативной эритемы, которая была ошибочно диагностирована как синдром Стивенса — Джонсона. Данное наблюдение демонстрирует сложности, возникающие при дифференциальной диагностике дерматозов, имеющих сходный этиопатогенез и отдельные клинические проявления. Авторы публикации, представляя клинический случай, акцентируют внимание на тех симптомах, которые позволяют при проведении диагностического поиска исключить наиболее тяжелое кожное заболевание — синдром Стивенса — Джонсона. Знание данных особенностей позволит практикующим врачам избежать лечебно-диагностических и тактических ошибок.

Ключевые слова: многоформная экссудативная эритема, синдром Стивенса — Джонсона, дифференциальная диагностика дерматозов

For citation: Shchava SN, Serdyukova EA, Ivanova IN. Multiform exudative erythema diagnosed as Stevens — Johnson syndrome. *Saratov Journal of Medical Scientific Research. Supplement: Dermatovenereology*. 2022; 18 (4): 742–744. EDN: RWYFQG.

Abstract. The article presents a case of the development of a bullous form of exudative erythema multiforme, which was erroneously diagnosed as Stevens — Johnson syndrome. This observation demonstrates the difficulties encountered in the differential diagnosis of dermatoses having the similar etiopathogenesis and identification of manifestations.

The authors presenting a clinical case focus on those symptoms that allow, in the event of a diagnostic examination, to exclude the most severe skin disease — Stevens — Johnson syndrome. The knowledge of the data will prevent practising physicians from medical diagnostic and tactical errors.

Keywords: erythema multiforme exudative, Stevens — Johnson syndrome, differential diagnosis of dermatoses

Введение. Многоформная экссудативная эритема (МЭЭ) — полиэтиологическое, иммуноопосредованное острое заболевание с поражением кожи и слизистых оболочек в виде полиморфных высыпаний, представленных эритематозными пятнами, пузырями, папулами, везикулами, с формированием мишенеподобных очагов, имеющее склонность к рецидивированию и саморазрешению [1–3]. Дерматоз чаще встречается в молодом возрасте, при этом соотношение мужчин и женщин составляет 3:2 [3, 4]. Причинами развития МЭЭ также могут быть различные инфекционные агенты, чаще всего это герпесвирусные инфекции, вирусы гепатитов В и С, Эпштейна — Барр, реже — различные микроорганизмы бактериальной и грибковой природы [3–5]. В этом случае отмечается сезонность рецидивов заболевания [6]. Причиной развития МЭЭ также могут быть медикаменты (антибактериальные средства, барбитураты, генно-инженерные препараты для биологической терапии и др.) [7–9]. Впервые МЭЭ описана в 1860 г. австрийским дерматологом Фердинандом фон Гебра, а через 90 лет американский дерматолог Бернард Томас выделил две формы заболевания: малую с легким течением, с отсутствием поражения слизистых оболочек и нарушения общего состояния, и большую с тяжелым течением, при котором отмечаются распространенные высыпания, в том числе на слизистых оболочках, и недоомогание [3, 4]. Данная градация выраженности симптоматики сохраняет актуальность до настоящего момента. Для развития МЭЭ свойственно острое начало, характеризующееся повышением температуры, появлением полиморфных высыпаний в виде пузырей с зоной эритемы по периферии, отежных эритематозных округлых очагов поражения с западением в центре, напоминающих мишень или «бычий глаз». При наличии буллезных элементов симптом Никольского — отрицательный, акантолитические клетки в мазках-отпечатках отсутствуют [10]. Развитие буллезной формы МЭЭ иногда приводит к трудностям диагностики, так как в настоящее время имеются разногласия по поводу дифференциально-диагностических критериев тяжелой (большой) формы МЭЭ и синдрома Стивенса — Джонсона (ССД) [4]. Так, при ССД не характерны возвышающиеся мишенеподобные элементы сыпи, отмечается поражение слизистой оболочки сразу нескольких областей (глаз, рта, ануса), высыпания начинаются с лица и быстро распространяются на другие участки кожного покрова, пузыри располагаются на поверхности пятен, захватывая всю их поверхность, может быть положительным симптом Никольского [4]. В связи с этим представляется интересным демонстрация клинического случая пациентки с МЭЭ, которой был выставлен диагноз: «Синдром Стивенса — Джонсона».

Цель — на примере клинического случая показать важность дифференциально-диагностических критериев МЭЭ и ССД.

Получено информированное согласие пациентки на публикацию данных из истории болезни.

Описание клинического случая. Пациентка М. 53 лет поступила в кожное отделение областной клинической больницы г. Волгограда с диагнозом: «Синдром Стивенса — Джонсона». Заболела остро, когда после приема препарата «Колдрекс» по поводу простудного заболевания появились высыпания по всему кожному покрову — на туловище, конечностях, включая ладони и подошвы, на лице и в полости рта, лихорадка 39–40°C, озноб. При осмотре наблюдались многочисленные эритематозные и геморрагические пятна, отежные папулы разных размеров: от небольших до крупных. Очертания элементов были округлые и овальные, большинство из них возвышались над уровнем кожи. В центральной части пятен и папул наблюдались мелкие пузыри, эрозии, серозно-геморрагические корки, элементы напоминали мишени (симптом «бычьего глаза»). Симптом Никольского — отрицательный. В полости рта и на красной кайме губ отмечались эрозии, серозно-геморрагические корки (рисунки). Слизистые глаз, гениталий, ануса не поражены. Общие анализы крови, мочи, биохимические показатели крови были в пределах нормы. Выставлен диагноз: «Многоформная экссудативная эритема, большая форма». Проводилось лечение: раствор дексаметазона по 16 мг в/м с постепенным снижением дозы до полной отмены; цефтриаксон по 1,0 г в/м 2 раза в день; глюконат кальция 10%-й 10,0 в/в капельно с 400,0 физиологического раствора; омепразол 20 мг вечером; местно: 2%-й водный раствор метиленового синего, гель «Солкосерил». Была выписана в состоянии, близком к клиническому выздоровлению, эрозии в полости рта эпителизировались, на коже остались вторичные гиперпигментированные пятна.

Обсуждение. При проведении дифференциальной диагностики МЭЭ и ССД часто у врачей возникают трудности в связи с терминологической несогласованностью [11]. Длительное время считалось, что ССД является тяжелой формой МЭЭ. В настоящее время имеются разные мнения на предмет таксономии данных дерматозов. Отдельные авторы рассматривают МЭЭ и ССД как разные заболевания, при этом другие считают их стадиями одного токсико-инфекционного процесса или проявлениями токсикодермии [4,

Патологические изменения на коже, красной кайме губ и в полости рта у пациентки М. 53 лет

11, 12]. Вместе с тем наряду с общими признаками у данных заболеваний имеются некоторые этиологические, клинические и прогностические особенности. Оба дерматоза имеют острое начало, однако ССД разрешается, МЭЭ в дальнейшем может приобретать рецидивирующий характер течения [3, 12]. Причинами развития МЭЭ, так же как и ССД, могут быть различные инфекционные агенты и лекарственные препараты, однако если в первом случае преобладают микроорганизмы вирусной и бактериальной природы, то во втором — это различные медикаменты [4, 12]. Клиническая картина МЭЭ характеризуется появлением преимущественно в дистальных отделах конечностей (тыл кистей, разгибательная поверхность предплечий) с прогрессией в проксимальном направлении типичных мишенеподобных элементов, атипичных возвышающихся мишенеподобных элементов при отсутствии эритематозных пятен, в 30% случаев возможно поражение слизистой полости рта, процент поражения кожи не превышает 10%, симптом Никольского — отрицательный [6, 11, 12]. При ССД высыпания носят распространенный характер с одновременным поражением слизистых оболочек нескольких органов, при этом высыпания вначале появляются в области лица, туловища, прогрессируя в дистальном направлении [4, 12]. Клинические проявления ССД характеризуются выраженными симптомами интоксикации, появлением эритемы, плоских атипичных мишенеподобных элементов и пузырей, при этом типичные мишенеподобные элементы сыпи отсутствуют, процент поражения кожи может превышать 10%, при этом определяется положительный симптом Никольского и Асбо-Хансена [4, 12]. Имеются также определенные дифференциальные признаки биоптата кожи (некроз кератиноцитов и отек дермы при МЭЭ и субэпидермальный пузырь и некроз всего эпидермиса с его отслойкой от дермы — при ССД) [4, 12]. В приведенном клиническом наблюдении у пациентки были эритематозные и геморрагические пятна, папулы с четкими границами овальных и округлых очертаний, пузыри с серозным и геморрагическим содержимым, которые формировали типичные мишенеподобные и атипичные возвышающиеся мишенеподобные элементы сыпи. В полости рта и на красной кайме губ имелись пузыри с геморрагическим содержимым, геморрагические корки, при этом слизистые оболочки глаз, ануса были интактны, количество пузырей было незначительным, симптом Никольского был отрицательным, общее состояние пациентки — удовлетворительным. В связи с этим первоначальный диагноз: «Синдром Стивенса — Джонсона» — был пересмотрен на диагноз: «Многоформная экссудативная эритема».

Заключение. В описанном наблюдении показана важность учета всех клинических признаков при дифференциальной диагностике МЭЭ и ССД. Использование представленных признаков и симптомов двух дерматозов при проведении диагностического поиска позволит практикующим врачам избежать диагностических и лечебно-тактических ошибок.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 18.11.2022. The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 18.11.2022.

Информация об авторах:

Светлана Николаевна Щава — заведующая кафедрой дерматовенерологии, доцент, кандидат медицинских наук; **Елена Анатольевна Сердюкова** — доцент кафедры дерматовенерологии, кандидат медицинских наук, **Ирина Николаевна Иванова** — доцент кафедры дерматовенерологии, кандидат медицинских наук.

Information about the authors:

Svetlana N. Shchava — Head of the Department of Dermatovenereology, Associate Professor, PhD; **Elena A. Serdyukova** — Assistant Professor of the Department of Dermatovenereology, PhD, **Irina N. Ivanova** — Assistant Professor of the Department of Dermatovenereology, PhD.

Конфликт интересов отсутствует.

References (Список источников)

1. Bulgakova AI, Hismatullina ZR, Zatschina MV, Kudryavtseva JA. On the clinical course of multiforme exudative erythema of the oral cavity (literature review). *Parodontologiya*. 2020; 25 (1): 71–4. (In Russ.) Булгакова А. И., Хисматуллина З. Р., Затекина М. В., Кудрявцева Ю. А. О клиническом течении многоформной экссудативной эритемы полости рта (обзор литературы). *Пародонтология*. 2020; 25 (1): 71–4. DOI: 10.33925/1683-3759-2020-25-1-71-74.
2. Shwe S, Kraus CN, Linden KG, et al. Erythema multiforme in a child with Kawasaki disease. *JAAD Case Rep*. 2019; 5 (4): 386–8. DOI: 10.1016/j.jdcrr.2019.02.013.
3. Federal clinical guidelines. Dermatovenereology 2015: Skin diseases. Sexually transmitted infections. 5th ed., revised. and additional. Moscow: Business Express, 2016; 768 p. (In Russ.) Федеральные клинические рекомендации. Дерматовенерология — 2015: Болезни кожи. Инфекции, передаваемые половым путем. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Деловой экспресс, 2016; 768 с.
4. Grigorev DV. Erythema multiforme exudative, Stevens — Johnson syndrome and Lyell's syndrome — a modern interpretation of the problem. *Russian Medical Journal. Dermatology*. 2013; (22): 1073–83. (In Russ.) Григорьев Д. В. Многоформная экссудативная эритема, синдром Стивенса — Джонсона и синдрома Лайелла — современная трактовка проблемы. *РМЖ. Дерматология*. 2013; (22): 1073–83.
5. Olteanu C, Shear NH, Chew HF, et al. Severe physical complications among survivors of Stevens — Johnson and toxic epidermal necrolysis. *Drug Safety*. 2018; 41 (3): 277–84. DOI: 10.1007/s40264-017-0608-0.
6. Shchava SN, Serdyukova EA. Features of the course and treatment of erythema multiforme exudative at the present stage. *Medicinal Herald*. 2016; 4 (64): 41–3. (In Russ.) Щава С. Н., Сердюкова Е. А. Особенности течения и лечения многоформной экссудативной эритемы на современном этапе. *Лекарственный вестник*. 2016; 4 (64): 41–3.
7. Fujimura T, Kambayashi Y, Hidaka T, et al. Severe erythema exudative multiforme developing from advanced melanoma treated with dabrafenib and trametinib followed by nivolumab. *J Dermatol*. 2018; 45 (2): e35–6. DOI: 10.1111/1346-8138.14085.
8. Brito FJF, Rodriguez R. Exudative erythema multiforme due to cyclobenzaprine. *J Investig Allergol Clin Immunol*. 2016; 26 (4): 265–6. DOI: 10.18176/jiaci.0064.
9. Dalipi ZS, Dragidella F, Dragidella DK. Oral manifestations of exudative erythema multiforme in a patient with COVID-19. *Case Rep Dent*. 2021; (2021): 1148945. DOI: 10.1155/2021/1148945.
10. Khamaganova IV, Malyarenko EN, Denisova EV, et al. Mistakes of diagnostics in pemphigus vulgaris: case report. *Russian Journal of Skin and Venereal Diseases*. 2017; 20 (1): 30–3. (In Russ.) Хамаганова И. В., Малайренко Е. Н., Денисова Е. В. и др. Ошибка в диагностике вульгарной пузырчатки: клинический случай. *Российский журнал кожных и венерических болезней*. 2017; 20 (1): 30–3. DOI: 10.18821/1560-9588-2017-20-1-30-33.
11. Karachyova YuV, Prohorenkov VI, Gajdash AA, et al. Bullous skin lesions: problems of nosology and differential diagnosis. *Siberian Medical Review*. 2007; (3): 10–5. (In Russ.) Карачёва Ю. В., Прохоренков В. И., Гайдаш А. А. и др. Буллезные поражения кожи: проблемы нозологии и дифференциальной диагностики. *Сибирское медицинское обозрение*. 2007; (3): 10–5.
12. Dyubkova TP, Zhernosek VF. Differential diagnosis of Stevens — Johnson syndrome/toxic epidermal necrolysis and erythema multiforme in children. *Meditinskiye novosti*. 2014; (2): 43–7. (In Russ.) Дюбкова Т. П., Жерносек В. Ф. Дифференциальный диагноз синдрома Стивенса — Джонсона — токсического эпидермального некролиза и многоформной экссудативной эритемы у детей. *Медицинские новости*. 2014; (2): 43–7.